

Кит, на котором держится том прозы альманаха «Под часами», – это, безусловно, краеведческие материалы. В разное время были опубликованы работы брата поэта И.Т. Твардовского, восстановившего хутор Загорье, починковского краеведа В.Д. Савченкова, писателя В.А. Звездаевой, искусствоведа В.М. Аникеева, архитектора-реставратора, ученика легендарного Петра Барановского, члена-корреспондента Академии архитектурного наследия А.М. Пономарёва, доктора филологических наук В.С. Баевского и других. Все эти работы пронизаны светлым чувством признательности к малой частице света, о которой писал А.Т. Твардовский. Хотя, например, Пономарёв – москвич, но такой частицей света стал для него Болдинский монастырь и его окрестности под Дорогобужем. Твардовский, уехав еще в молодости в Москву, всегда испытывал, как он писал, томительное чувство этой признательности к своему хутору Загорье.

И вот, как говорится, нашего полку прибыло.

Давно покинул смоленскую землю Святослав Савельевич Кочаненков, родившийся в деревне Гвоздевицы Касплянского района Смоленской области и учившийся в Гвоздевицкой начальной школе, потом в Зарубинской семилетке и в Голынковской средней школе. В 1963 году он окончил ремесленное училище в Грозном. Работал на Грозненском нефтехимическом комбинате, служил срочную в армии, демобилизовавшись, обучался в Североосетинском госуниверситете и Свердловском юридическом институте. И, получив специальность юриста, более двадцати лет работал адвокатом в Сургутской юридической консультации Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области.

Крепкий послужной список. Но далеко не полный. А полноту ему придадут «Очерки по истории родных мест» с подзаголовком «Жизнь смоленской деревни». Они опубликованы на личном сайте Кочаненкова и в сетевом журнале «Путеводитель по Старому Смоленску». Но и мы решили начать публикацию очерков Кочаненкова в альманахе. Эти работы заслуживают всяческого внимания всех, в ком сияет малая частица света. Например, более года ваш покорный слуга собирает материалы для третьей книги цикла «Лес трёх рек», действие которой будет разворачиваться в Касплянских и Демидовских пределах, в тридцатые–сороковые годы прошлого века. Но только сейчас совершенно случайно наткнулся на сайт Кочаненкова. И, едва начав читать, воскликнул: «Да это же кладезь!»

А сегодня у нас есть возможность поговорить с автором этих очерков.

Олег Ермаков. *Святослав Савельевич, как же так случилось, что вы взялись за это трудоемкое дело – написание исторических очерков о родной земле? Что вас подвигло? Когда это произошло?*

Святослав Кочаненков. Я затрудняюсь привязать идею написания очерков к конкретным временным рамкам. Пожалуй, я бы начал отслеживать этот процесс ещё с до-

школьного возраста. Мой отец был учителем, преподавал историю в сельской школе. Я помню, как у нас в доме долгое время хранилась его объёмная тетрадь в великолепном переплёте, привезенная им как военный трофей после демобилизации в 1945 году. Отец делал в ней некие записи, объясняя, что хотел бы написать труд по истории. Конкретного направления работы мы не знали. Но жизнь в сельской местности человека обремененного семьёй, в то время была такова, что о времени досуга, который можно было посвятить творчеству, он мог только мечтать. Под влиянием жизненных факторов записи в тетрадь делались всё реже и реже. В конце концов отец, по всей видимости, отказался от своей мечты. Тетрадь же продолжала содержать в себе некую загадку, которую хотелось разгадать. Тайну – в высоком смысле слова, тайны прошлого. Детское воображение школьника той поры захватывали вопросы жизни загадочного народа шумеров, труда рабов, воздвигавших пирамиды, помыслы о подвигах рыцарей, набегах морских пиратов, деяниях королей, царей, императоров и многое другое. В общем, всё, что относится к категории «наука История». В прошедшие времена о людях занимавшихся нелёгким трудом земледельцев, тогда не думалось. А ведь наша цивилизация обязана им многим, если не всем. Детский внутренний мир заселялся романтическими историческими фантазиями. Я думаю, что нечто подобное переживал каждый из наших читателей.

Шли годы и по мере взросления школьные увлечения забывались. Наступала взрослая жизнь с её реальными заботами и проблемами.

Выбрав профессию юриста, я посвятил ей значительную часть жизни. Приблизил пенсионный возраст. Мои некоторые знакомые и приятели, бывшие судьями, прокурорскими работниками, адвокатами по выходу на пенсию или в отставку не всегда удаляются на покой. Многие из них начинают преподавательскую деятельность, другие организуются в клубы по интересам, где среди своей же аудитории читают доклады, проводят семинары, обсуждают проблемы законодательства. Как я понимаю, за долгие годы трудовой деятельности у людей нашей профессии формируется устойчивая привычка к интеллектуальной работе. К началу пенсионного возраста многие ещё полны активности и желания духовно развиваться. Поскольку я не командный игрок, то увидел себя не в клубе бывших служителей фемиды, а в новом для себя направлении, память вернула меня к годам детства, к Тайне отцовской тетради. Пришло увлечение историей Смоленской земли. Здесь нужно сказать, что профессия адвоката всегда связана с поиском. Поиском доводов и доказательств в пользу подзащитного в уголовном процессе, и в пользу доверителя в гражданском процессе. Профессиональные навыки оказались пригодными и в сфере моего увлечения. К таким навыкам относятся умение отыскивать документы и работать с ними, умение анализировать информацию.

Сначала читал имеющуюся литературу по краеведению. Вскоре с удивлением обнаружил, насколько Смоленские краеведы исторического направления обделены документальными источниками. Представляется, что у данного явления есть как объективные, так и субъективные причины. Сколько бед обрушивалось на нашу землю! Ни одно нашествие неприятелей с Запада не обошло Смоленский край. И не просто нашествия, а катастрофы, уносившие с собой накопленный документальный материал. Кроме того, открытый доступ к архивным фондам и редким книжным изданиям в библиотеках краеведам-непрофессионалам вообще был закрыт. Не побоюсь такой фразы, большинство читателей поддержит меня. Я имею в виду период времени до 2000-х годов. Интернет не имел такого распространения, как сейчас, и не был наполнен необходимой информацией. Был несказанно удивлён подвижничеству Смоленских историков-исследовате-

лей, которые собирали исторические факты буквально по крупицам. У меня же на тот момент появилась возможность читать российскую периодику, конца XIX – начала XX века, документы государства Российского более раннего периода в оцифрованном виде. Я погрузился в поисковую работу. Однако, на первоначальном этапе писать с целью показать свои работы широкому читателю мысль не возникала. Постепенно сформировалось направление, в котором следовало двигаться. Это история Поречского уезда, куда впоследствии вошла и Касплянская волость и где мои генеалогические истоки. Все предки – жители указанных мест, и все они являлись крестьянами. Такой ход мыслей продиктовал мне и тематику очерков – о жизни смоленской деревни в различные периоды истории.

Что касается трудоёмкости работы, то уверен, Вы со мной согласитесь, увлечённому поиском человеку такое состояние просто незнакомо. Получить новые знания и поделиться ими с читателем только добавляет радости от подобного рода труда.

О.Е. *Соглашусь, но все-таки не перестану удивляться этому следованию подвижнической стезей. А еще и тому, как дух вашего ответа соответствует тому, что сейчас у меня в работе. Похоже, ваш отец был необычный человек. Расскажите о нем еще. Где он работал до войны? И как и где воевал? Или он предпочитал не вспоминать ратные будни?*

С.К. После окончания Вяземского педагогического техникума до 1935 года отец работал в сельских школах Невельского района Калининской области. Затем в 1936 году поступил в Новгородский пединститут, который окончил в июне 1941 года.

Он был дитя своего времени. А время это необыкновенное. Довоенная пропаганда представляла жизнь в СССР как череду непрерывных побед. Присоединялись территории и государства, потерянные после революции 1917 года. Лётчики били рекорды дальности и высоты полётов. Полярники покоряли Север. Труженики достигали неданных показателей и неслыханных урожаев. Входили в строй предприятия-гиганты, строились новые города. Наука делала прорывы. В свете вышесказанного советский народ, как писали газеты, горел энтузиазмом созидания. Ну, правда, ездили по ночам воронки, но это же забирали врагов народа. Так утверждала пропаганда. После окончания ВУЗа, как я предполагаю, отец, вероятно, хотел пойти в науку, поскольку в дипломе об окончании учебного заведения проставлены отличные оценки почти по всем предметам и было, по всей видимости, желание также внести свой вклад в достижения СССР. Высказываю свои предположения, а не уверенность потому, что в 14 лет уехал из родительского дома, покинув Смоленщину на целых 50 лет. По душам с отцом поговорить так и не пришлось.

В одном из своих очерков о жизни деревни в 1940-е годы я привожу список участников войны – мужчин нашего селения. Это сплошь пехотинцы. Их призвали в первые дни войны и ими же первыми закрывали все бреши в прорывах фронтов. Хотя о чём я говорю, фронтов как таковых не было. Были наспех призванные военнообязанные сформированные в роты, полки, корпуса, которые немецкие части перемалывали и рвались дальше, пока не были, в конце концов, остановлены сибирскими дивизиями. И вот эти бывшие колхозники сдерживали, насколько могли, немецкую военную машину. Воевали часто с винтовками наперевес, но без патронов к ним. О действующей артиллерии в первые месяцы даже не мечтали, если видели орудия, то брошенными на дорогах, поскольку к ним не было снарядов. Самолёты, кружившие над их головами и сеявшие смерть, были лишь немецкие. Питались, чем придётся, чаще всего зерном или картофелем с неубранных колхозных полей. Отец был в числе указанных красноармейцев. Под Новгородом попал в окружение, затем в плен. Через два дня после пленения

бежал. Начал пробираться в сторону Ленинграда вслед за остатками своей дивизией, где, в конце концов, к ней присоединился. Окружения, «котлы» были в порядке вещей. На театре военных действий первые месяцы царил хаос. Даже в мемуарах видных полководцев той войны данный факт признаётся. Лишь к концу 1941 года наступил относительный порядок в организации войск. Эти обстоятельства, кроме пленения, я узнал не со слов отца, а сам провёл исследования его боевого пути, работая в архиве министерства обороны (ЦАМО РФ).

Воевал он на Ленинградском фронте. С самого начала находился внутри блокадного кольца. А точнее, в местах, где нельзя было, как зимой, так и летом, вырыть окоп, или построить землянку – в ленинградских болотах. При этом дивизия, в которой он воевал, постоянно пыталась прорвать блокадное кольцо. При этом же рацион питания бойцов ненамного отличался от рациона жителей города на Неве. Далее участвовал в освобождении Пскова, Эстонии, Польши.... В общем, простой пехотинец, окопник, работага войны. На момент демобилизации имел звание гвардии сержанта.

Действительно, фронтовики, не имею в виду тыловиков, не особенно любили вспоминать войну. Большинство мужчин отцовского поколения хлебнули этого лиха настолько, что и через двадцать лет после окончания войны, зачастую просыпаясь, не могли понять, в промёрзлом окопе и голодные они находятся или в своей избе. Разве такое хочется вспоминать? Это одна сторона вопроса. Другая сторона – некому было рассказывать. Мы, дети, неблагодарные слушатели. Для нас война была как дважды два. Мы её знали лучше фронтовиков, наигравшись в неё, начитавшись книг и насмотревшись кинофильмов. Это сейчас ясно, что для понимания такого явления, как война, а это катастрофа, необходим зрелый ум. В настоящее время я бы не только выслушал вырвавшиеся из души отцовские исповеди, но и опросил оставшихся в живых деревенских мужиков, которым также было, что рассказать, они все до одного прошли эти круги ада.

О.Е. *И сам жалею о том же. Как тут не вспомнить Бунина: «Мы мало видим, знаем / А счастье только знающим дано». Хотя, как вы заметили, это во многом горькое знание. Но полноты жизни без него не бывает. В своих очерках вы освещаете многие трагические страницы нашей истории, особенно периода советизации. Раскулачивание, коллективизация, по сути, были преступлениями государства. Но, несмотря на это, крестьяне, в конце концов, приняли колхозный строй. Как вы думаете, почему это произошло?*

С.К. Сначала небольшое отступление, но думаю, оно вплетается в канву вопросов и ответов нашего интервью. Об оплате труда колхозников. Во время моего раннего детства смоленская деревня не знала денег. Не удивляйтесь. Это действительно так. Нет, они имели хождение где-то, но где, колхозники толком не знали, что не в деревне – это точно. Во-первых, работали за пресловутые палочки-трудодни. Что это за мера труда и оплаты труда, было не совсем ясно и жителям деревни. По усмотрению бригадира выставлялись виртуальные оценки деятельности работающего, что зачастую являлось причиной многих обид рядовых колхозников. Вот Ивану «Маруда» (прозвище бригадира) начислил два трудодня, а Демьяну – лишь полтора. Как будто это имело реальное значение. Но в глазах Демьяна, видимо, имело. Выставлялись, а дальше что? Да ничего. Колхоз, как правило, сам оставался должен государству, и, таким образом, вопрос отоваривания трудодней отпадал сам собой. И к концу года колхозник, державший в уме количество начисленных бригадиром палочек, мог без сожаления стереть данную информацию из памяти. Не припоминаю наличия книжек колхозника, которые согласно

Уставу должен был иметь каждый житель деревни и куда следовало заносить количество этих самых трудодней. Видимо, колхозный счетовод, проведя экономический анализ, а при отсутствии в колхозной кассе денег провести его было очень легко, рекомендовал не закупать книжки в типографии, да, собственно, для чего они нужны? Поэтому колхозники подсчитывали количество трудодней в уме и хранили это в своей памяти. Вот-вторых, да, деньги-таки время от времени в руках колхозника появлялись. Но эти деньги имели другое происхождение, не связанное с трудом в колхозе. С личного подворья. Выращивались гуси, куры, свиньи, телята. Осенью, забив что-либо из указанной живности, деревенский житель вёз тушки в город на продажу, где и покупал детям и себе кое-что из одежды и обуви. Полученными деньгами, как правило, семья обходилась до следующей осени. Но читатель спросит, неужели денег хватало на целый год. Нет, конечно, но на выделенном колхозом земельном участке выращивалась рожь, которая после помолы использовалась для выпечки хлеба, лён перерабатывался, и из него ткали полотно, из которого шили предметы одежды, одна-две овцы давали шерсть, из которой катали валенки, из пряжи вязали варежки и носки. И корова. Это животное – кормилица каждой семьи. Без неё деревня бы вымерла. Корова – живая фабрика по производству продуктов питания. Размеры участка, выделяемого колхозом каждой семье, точно не помню, но где-то в пределах пятнадцати-двадцати соток. Устав колхоза ограничивал их предельные размеры. Власть не любила баловать своих подданных. Как сельчане обходились подобным наделом, один Бог знает. Также жителю деревни необходимо было сочетать работу в поле и дома на подворье. Колхозная работа отнимала весь световой день, остальное время использовалось для занятия огородничеством и домашней живностью. Утром они вставали часа в четыре-пять, ложились спать... никто не знает когда. И так ежедневно без выходных дней и отпусков. Пенсии колхозники не получали, такого права, как у рабочих или служащих, у них не было. Подобная мелочь в отношении этих непонятных существ государство не интересовала.

Сюда я бы добавил запрет на получение членами колхозов паспортов, что делало их крепкими земле, а если быть точным, крепостными, но только не барина, а государства.

Нашей семье земельный надел не полагался, так как отец являлся служащим и зарплату получал в денежном выражении. Для выращивания огородных культур пользовались огородом бабушки. Для выпечки хлеба покупалась мука, являвшаяся дефицитом, но каким-то образом отец её покупал, и мы не голодали.

Обычная одежда колхозника: осенью и весной – резиновые сапоги и стёганая телогрейка, зимой – валенки и та же стёганка. Когда покупалась вторая телогрейка, то она использовалась, что называется «на выход», её одевали в праздничные дни, для поездки в город или в районный центр.

Всё, что я рассказал, происходило в пятидесятые годы XX столетия. И это всё осталось в детской памяти.

Теперь вернёмся к ответу на поставленный вопрос. Мой взгляд на проблемы деревни не отличается теоретической глубиной, ведь Ваш покорный слуга не учёный, исследующий этот срез советского бытия. Тут требуется совсем иной уровень знаний. Тем не менее, я всё же выскажу своё мнение. А оно заключается в отсутствии уверенности, что крестьяне, в конце концов, приняли колхозный строй. Я понимаю выражение «приняли», это стали трудиться так же, как они трудились на собственных хуторских землях, когда они были свободными людьми и настоящими Хозяевами, несшими все риски, связанные с данным состоянием. Но этого не произошло. Обращаясь в прошлое, сле-

дует сказать, что земля для наших предков была категорией одушевлённой. Если мой отец, уже начавший порывать с деревенским укладом и становившийся представителем сельской интеллигенции в первом поколении, в 1950-е годы время от времени нет-нет, да и говорил, «землица», «землица-кормилица», «хлебушек», то к 1960-м годам колхозный механизатор, чтобы не закладывать минеральные удобрения в почву для повышения урожайности поля, той самой «землицы», что требовало кропотливой работы, закапывал его где-либо за пределами поля, как только начальство ослабляло надзор за ним. Или виды колхозных полей конца 50-х, начала 60-х, засеянные злаковыми культурами. Они сияли всеми цветами радуги от обилия сорной растительности, но только не цветом той культуры, что была посеяна. Это было результатом отношения колхозников к подготовке и посеву семян. Я помню картофельные бурты, сформированные во время затяжных осенних дождей, сам их вместе со взрослыми колхозниками формировал, в результате чего весной картофеля в буртах не находили. Я помню колхозные амбары с зерном, зияющие дырами, в которые влетали целиком стаи воробьёв. Разбросанные по полям сельскохозяйственные орудия и механизмы. Отдельное впечатление оставили колхозные лошади. Зимой их поили студёной водой из деревенского колодца, на их коже струпья не сходили ни зимой, ни летом. Эти несчастные животные из обращения к ним знали только кнут и палку, если кнут не помогал.

По мере ослабления репрессивной составляющей в политике правительства в отношении крестьян мелкие кражи, колхозной собственности стали массовым явлением. Равнодушие к делу становилось нормой поведения. Пьянство всегда было проблемой деревни, но когда у крестьянина исчезло чувство личной ответственности за результаты своего труда, снизился уровень трудовой дисциплины, то оно расцвело пышным цветом. В более поздние времена, когда государство обратилось лицом к своему кормильцу, проявилась другая крайность, такая как иждивенчество. Народ откликнулся на него анекдотом. «Приехало высокое начальство в одну из деревень. Видит на улице небритого пьяного колхозника в грязной телогрейке и спрашивает его:

– Ты почему такой грязный, пьяный и не в поле?

– Да у нас председатель колхоза – разгильдяй».

Иждивенчество – одно из опаснейших симптомов общего кризиса не только колхозного строя, но государства в целом.

Действительно, активная фаза противодействия колхозному строительству пришлось на 30-е годы, когда вспыхивали бунты, процветали саботаж, вредительство, но то поколение, которое помнило свободный труд и которое активно сопротивлялось, ушло. На смену ему появилось новое поколение, которое под влиянием, школы, газетной и радиопропаганды, правительственной политики «кнута и пряника», уже начало приспосабливаться, показывая внешние атрибуты покорности, имитируя лояльность режиму. Все последующие поколения в большей или меньшей степени поколения конформистов.

В общем, по моему мнению, колхозник, в конце концов, превратился в ни за что не отвечающего подёнщика, хотя на колхозных собраниях или с трибун районных слётов произносились правильные речи об ударном труде, бережном отношении к колхозной собственности и много других слов из лексикона советского пропагандиста. Такому положению вещей способствовала и уравниловка в оплате труда, мало увязанная с качеством и результатами трудовой деятельности.

Да, выходит, в конечном счёте, крестьяне приняли такой колхозный строй, о котором я только что рассказал.

О.Е. И в результате на полках магазинов из сельхозпродукции в начале восьмидесятых красовались сплошные банки с зелеными помидорами, картошка была каменная, мелкая, капуста подгнившая, яблок днем с огнем не сыщешь. То, что вы рассказали о колхозах, пришлось наблюдать и мне, и как корреспонденту областной газеты, а еще раньше как корреспонденту районной газеты и просто как жителю – одно время жил в Колокольне Гагаринского района, там было отделение колхоза имени Радищева. Вы, Святослав Савельевич, все-таки точно сразу определили отношение истинного крестьянина к колхозу: душой не приняли. Ну, а потом просто смирились. Но все-таки, еще уточню. Не кажется ли вам, что на крестьян, да и на рабочих в городах, оказывал могучее воздействие тот факт, что люди, свершавшие и продразверстку, и раскулачивание, проводившие политику диктатуры пролетариата, по сути, свои, в социальном плане? Ведь тот же Сталин не барчук был. Или Молотов. Не говоря уж о низовых деятелях. Фицпатрик в своей капитальной работе «Сталинские крестьяне» приводит такой факт. Приехал продотряд в колхоз, набрал зерна, но командир заявил, что этого мало, нужен встречный план, то есть, давай еще. Колхозники долго запирались, но в конце концов, согласились. И командир продотряда вдруг спрашивает: а есть гармошка? Ну, принесли. Играй! И заиграл мужик, а командир пустился в пляс, с ним и его ребята, и кое-то из колхозников. Не в этом ли тоже одна из причин победы советской власти? То есть, это была своя власть, хоть и злая. Что вы думаете насчет этого?

К.С. Думаю, что данный эпизод вполне показательный. Ведь хлебозаготовительные отряды имели не только пулемёты и боевиков с винтовками. Где в руководстве заготовительных организаций находились вменяемые люди, то в деревни могли направляться и талантливые агитаторы из рабочих или же вчерашних крестьян. Эти говорили с мужиками на понятном селянам языке. «Сами были крестьянами, знаем, как хлебушек тяжело вам достаётся. Но поймите, город голодает, дети голодают, мы вам всё полученное вернём сполна, будут у вас трактора, сеялки, паровые мельницы для помола зерна, всё мы сделаем, как только одолеем разруху, вот нам только день простоять, да ночь продержаться». В общем, даже такой суровый реалист, как деревенский мужик, если ему не подносить к виску наган в порыве пьяного куража, а поговорить о его заботах, совпадающих с заботами жителей города и попросить помочь таким же замороченным жизнью людям, то он обязательно откликнется. Но сталинский подход к нуждам деревни в 1930-е годы, о котором я скажу чуть позже, был прямолинеен. Это был путь устрашения. Есть хлеб – отдайте. Не отдаёте – высылка в районы Севера или в Сибирь; и это не самый худший вариант. Политическая система, которую он построил, бесчеловечна.

В своих очерках о жизни деревни я как раз и пишу о том, что крестьяне в 1920-е признали советскую власть. Вот смотрите. Позади остались годы разрухи, вызванные Первой мировой войной, двумя революциями, Гражданской войной. Введение продразвёрстки в 1918 году явилось вынужденным шагом, не вписывающимся в стратегию долгосрочного развития страны. Владимир Ленин разрабатывал план постепенного перевода деревни на кооперативный путь развития. Это не одно и то же, что колхозный строй. Намечалась система мер экономического стимулирования при вовлечении в более прогрессивные формы хозяйствования. Ленинским планом допускалось и индивидуальное землепользование. Если обратиться к жизни, то мы видим, что результатом Ленинской политики стала хуторизация нашей области. Здесь в 1925 году хуторами и отрубам было занято 33,6 % крестьянского землепользования. По плану землеустроительных работ (на 1925—1934 годы), утвержденному сессией губисполкома в ноябре

1925 года, разверстанию на хутора и отруба подлежало уже 69,9 % всей площади землеустройства. Это ли не показатель согласия власти и народа. Против подобной политики, где учитывались их интересы, крестьяне как раз и не возражали. Данный способ хозяйствования на закреплённой за ними земле их вполне устраивал. Это был пусть и не идеальный, но вполне рациональный путь развития. Взаимоотношение фермеров и государства, формы кооперирования фермеров выработала бы сама жизнь. Стоило только не топиться.

Простым людям в те годы открывалась возможность свободы выбора жизненного пути. Кадровый резерв управленцев госорганов и отраслевых организаций заполнялся выходцами из рабочей среды, крестьяне были представлены в гораздо меньшей степени. Да жители деревни и не стремились в городские начальники, не понимали городской жизни, дороже земли у них ничего не было. В государстве, тем временем, велась целенаправленная политика по удалению или недопущению на более или менее значимые должности буржуазных элементов прежних времён. И пусть они зачастую проникали в органы власти или управления, но на законодательном уровне был поставлен заслон. Данное обстоятельство не могло не импонировать простым людям. Проблемы двадцатых годов на Смоленщине – это проблемы «притирки» власти и народа. Антагонизма и неразрешимых противоречий не было. Стало быть, советскую власть крестьяне, да думаю, основная масса населения СССР тоже, признали и поддержали.

Но вот в государстве сменилось руководство, пришла команда Иосифа Сталина,ывавшая путь ускоренной индустриализации. Для чего это было сделано – вопрос, который мы должны оставить за скобками. Так случилось. С настоящего момента следует говорить о трагедии советского крестьянства. Однако в рамках данного интервью осветить указанную проблему невозможно. Если коротко, то фразу, которую приписывают историку Василию Ключевскому о фискальной политике Петра I: «Чем больше колотить овец, тем больше шерсти должно давать овчье стадо» можно отнести и к политике колхозного строительства Иосифа Сталина в СССР.

Несмотря на то, что никого из моих родственников в те годы не репрессировали, у меня недостаточно хладнокровия рассуждать о его деяниях, хотя заслуги перед государством, безусловно, есть. Нет, я не могу с уверенностью сказать, что основная масса населения СССР власть, существовавшую в тот период истории, пусть и с лидерами государства – выходцами из народа во главе, признала и простила. А если простила и признала, то следует процитировать другую фразу Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

О.Е. Ваши выводы подтверждает та легкость, с которой советская власть ушла, вернее, та легкость, с которой народ ее упустил. А насчет индустриализации тов. Сталин ясно говорил: это оборона, без нее нас растерзают. Вот тут-то и дает себя знать слабое звено учения как раз Ленина. Ну, то есть его тезис о том, что успешная пролетарская революция может произойти и в слабо развитой капиталистической стране, что, как известно, противоречило Марксу. Очевидно, что без Октябрьского переворота, без Гражданской войны, голода, раскулачивания, репрессий, принесших неисчислимые страдания и разруху, Россия смогла бы стать вровень с индустриальными странами к началу Второй мировой войны, не проливая реки крови. Вся кровь и крушение Советов ярко свидетельствуют о том, что Ленин совершил авантюру, а Сталин за ним последовал и, как и положено ученику, превзошел учителя. В одном из своих очерков вы приводите численность населения Смоленщины начала двадцатого века. Больше столь

населенной наша область никогда уже не была. И, видимо, не будет. Убыль населения растёт. Деревни пустеют, как заколдованные. Я порядочно путешествую и по области, и в соседних областях на лодке, на велосипеде, с палаткой и все это вижу. Если бы план Столыпина осуществился сполна, все выглядело бы по-другому, я просто уверен в этом. Цвела бы наша земля? Но на Смоленщине такие бедные почвы. Вы об этом не устает говорить в своих очерках. Это рефрен ваших статей: бедные смоляне, полунищие, с самых незапамятных времен. Но мне доводилось читать о совсем других смоленских крестьянах. Обнищание смоленского крестьянина началось в Смутное время. До этого средняя смоленская крестьянская семья владела несколькими лошадьми, несколькими коровами, имела много овец, птицу. Смоленские торговцы на жизнь тоже не жаловались. Ведь город был пограничным, через него шли товары с запада. Процветало Смоленское княжество при Ростиславле Мстиславиче и его сыновьях в двенадцатом и тринадцатом веках. Неужели Смоленщина никогда уже такой не будет? Вот смоленский поэт Макаренко присылает мне фотографии даров, что даёт ему земля приусадебного участка. Чего там только нет: и алыча, и виноград, и вишни, и княжевика, – уж не говоря о яблоках, помидорах и так далее. Это, конечно, любительство, но тем не менее. Земля явно отзывчива на трудолюбие. А вы бываете на родине? Каковы ваши наблюдения и выводы о современной сельской Смоленщине?

К.С. Мое детство прошло в глухой деревне постсталинского периода. Детские годы – это время, когда закладываются основные черты личности, сопровождающие нас потом всю жизнь. Картинки из той жизни часто формируют убеждения и характер человека. В то время я видел бесплодную, ничего не рожаящую колхозную землю, видел труд лично не заинтересованных подневольных людей и волей-неволей экстраполирую своё видение на другие периоды истории, на другие местности Смоленской земли. Если бы пришлось пожить в 20-е годы XX столетия, то, вероятно, нарисовал бы совершенно другую картину. Моя бабушка помнила жизнь на Своей земле, и воспоминания о ней согревали её в старости, поэтому она нигде не упоминала скудные земли Смоленщины. Кроме того, она другие просто не видела. Но, в своё оправдание могу сказать, что в своих очерках всегда опирался на документы, материалы которых обильно цитировал, поэтому не думаю, что сильно исказил действительность. Ещё в своё оправдание хочу привести отрывок одного из стихотворений поэта Смоленщины Михаила Исаковского, оставившего в моём мировоззрении определённый след.

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.
Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате – может, тыщу лет
Нужда сидела на почётном месте.
Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялись в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.
Клочок земли, соха да борона –
Такой была родная сторона.

Что касается моих наблюдений современной сельской Смоленщины, могу опять ошибиться, но ошибка не вызовет печали, вижу, как идёт бурное строительство индивидуального жилья. Развивается инфраструктура, сельская в том числе. Мне кажется, за всю нашу историю строительства такого масштаба не было. Земля не пустует, вовлечена в сельскохозяйственный оборот, но более разумный, чем это было при советской власти. Сорной растительности на полях не видно, это значит, что ею занимаются настоящие хозяева. И вообще, чтобы земля отзывалась урожаем, к ней необходимо прикладывать свободный труд свободных людей. Хочется надеяться, что сейчас это как раз и происходит, а движение вперёд необратимо. Одновременно следует помнить и то, как история не единожды прерывала движение по восходящей, отбрасывая развитие данной территории на десятилетия, а, может, и на столетия назад. В чём причина подобного явления, судить трудно, но не исключено, что, в конечном счёте, в нас самих.

Я каждое лето провожу на Смоленщине. Сейчас как раз нахожусь здесь. Правда, земледelec из меня плохой. Приоритетом в настоящем является помощь в строительстве дома старшему сыну. Выращиванием винограда и алычи надеюсь заняться попозже.

Будем надеяться, что вскоре на Смоленщине появится поэт масштаба Михаила Исаковского, который будет воспевать уже другую, успешную и процветающую землю.

О.Е. *Детские впечатления, конечно, во многом нас определяют. Я-то застал деревню на стадии относительного советского благополучия. Но и в прошлом у меня со стороны матери, а она родом из Каспли, крестьянская обеспеченная семья, прадед, прапрадед Боровченковы считались кулаками, хотя, как теперь понятно многим, кроме оголтелых и полностью зашоренных советских фантазеров, количество скота и размеры земли и даже использование наемного труда еще не повод считать крестьянскую большую трудолюбивую семью кулацкой. В противном случае наши фермеры все кулаки. Интересно, где же строится ваш сын? Не на месте ли родовой деревни Гвоздевицы? Любому читателю ваших очерков сразу становится ясно, что автором во многом движет именно любовь к этой деревне, желание воздать дань деревенским предкам. Расскажите о ней.*

С.К. Деревня умерла. Простояла более четырёхсот лет. В конкурентном сравнении она оказалась в проигрыше. В её месторасположении не было никаких преимуществ перед другими сёлами и деревнями района. Расположена вдали от шоссе-ных дорог, что в рыночной экономике сразу делало шансы на её выживание минимальными. Нет здесь рек или озёр, которые могли бы удерживать жителей сами по себе. Вероятно, такова судьба всех малых поселений в XX и XXI веках. Поскольку сельское хозяйство вышло на интенсивный и рыночный путь развития, то число людей, занятых в нём, будет неуклонно уменьшаться. Деревне столько крестьян, как это было в начале XX века, уже не нужно. Вместе с тем, городу требуются рабочие руки.

Что касается старшего сына, то он знает о деревне лишь с моих слов. Родился на Урале, откуда мы вскоре после его рождения переехали в Сургут. Случилось это в 1979 году. И вот уже более сорока лет житель данного города. Первые картинки, которые он помнит, – это городской железнодорожный вокзал, на который прибыли, сооружённый из досок, и комната в доме, построенном примерно из такого же материала. А это местность, приравненная к районам Крайнего Севера. Численность населения составляла чуть более 40 тысяч. Сейчас Сургут – город-красавец, где проживает под 350 тысяч человек. Всё же многие из его жителей с годами ищут места с более мягким климатом. Это так естественно. Вот и он решил создать уже своё родовое гнездо. Выбрали район Талашкинского сельского поселения, что в Смоленском районе области.

О.Е. Совпадение: эти тенишевские места, родина моего отца... Святослав Савельевич, только что вышла ваша книга «Очерки по истории родных мест (Жизнь смоленской деревни)», поздравляю. И как тут не вспомнить снова Бунина: «Молчат гробницы, мумии и кости / Лишь слову жизнь дана / Из древней тьмы, на мировом погосте / Звучат лишь Письмена». Деревня Гвоздевицы, простоявшая, как смоленская крепость четырёхста лет, таким образом, не исчезла. Вы дали ей вторую и долгую жизнь. Но история деревни Гвоздевицы – только зерно. Труд ваш шире и разнообразнее. Его можно уподобить полотнам Репина «Бурлаки на Волге», «Запорожцы пишут письмо...», «Крестный ход в Курской губернии...» и так далее. Живописная ассоциация тут не случайна. В книге много уникальных фотографий, коллажей, приведены архивные страницы газет. Расскажите о работе над книгой. Как вы нашли издателя? Почему такой скромный тираж? Помогал ли вам кто-то?

С.К. Да, я согласен, что работа имеет определённую ценность потому, что отличается не совсем традиционным подходом к освещению прошлого Смоленщины.

Сравнение с крепостью деревни, где я родился, не совсем корректно, хотя понимаю, что Вы имели в виду не буквальное определение её статуса. Но она-таки да, долгое время находилась на граничном рубеже с Великим княжеством Литовским. Соседнее село Зарубинки, тоже имеющее богатую историю, вероятно, и названо по характеру и роли, которую играло в те далёкие времена. От слова «заруба» – завал в лесу, военное укрепление. То есть и наша деревня или то поселение, которое было на данном месте, возможно, знало военные баталии или другие интересные исторические события.

Известно, что договорной грамотой Василия III от 14 сентября 1522 года указанная территория сроком на 5 лет отошла к Московии. Цитата из моей работы: «Договорной грамотой от 14 сентября 1522 года Катыньская (Катынская), Каспельская (Касплинская, Каспьянская), а по данным историка Карамзина – Косопельская, Порецкая (Поречская), Руцкая (Рудская), Щучинская волости переданы Москве». Упоминание о самой деревне находим в перечне населённых мест Касплинского стана Смоленского воеводства, датированном началом XVII века. В списке приграничных поселений она обозначена как «Гвоздовичи» – это её историческое название, далее будет называться «Гвоздевичи», а уже в Московском государстве превратится в Гвоздевицы. Приграничное месторасположение сохранится и в последующие века. Сейчас она расположена не далее 30 километров от Российско-Белорусской границы.

В начале интервью я уже упоминал, как вошёл в тему. Желания опубликовать очерки в виде книги тогда не имел. Писал для внуков, в надежде, что когда подрастут, заинтересуются историей семьи и вообще историей тех мест, откуда пошла одна из ветвей их рода. Начал писать, имея на старте доступ к некоторому количеству исторических трудов и архивных материалов. Следовало имеющуюся информацию систематизировать, выстроив в хронологической последовательности. С течением времени увидел перспективу в расширении круга вопросов требующих освещения. В общем, получилось так, помните у Пушкина.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Но работа так и осталась бы в файлах компьютера, если бы не появилась возможность создать свой Google-сайт. После появления очерков в Интернете читательская аудитория встретила их в целом благожелательно. Младший сын, которому я обязан появлением книги в бумажном формате, предложил помощь в её издании, поскольку ввиду возможного закрытия веб-сайта владельцем ресурса текст очерков для читателей может быть безвозвратно утрачен.

Столь малый тираж книги объясняется лишь тем, что это не коммерческий проект. Подобный тираж оказался достаточным для распространения среди ограниченного числа лиц. Кроме того, по моей просьбе, издательством «Триумф», подготовившем её, некоторое количество экземпляров будет направлено в ряд библиотек Смоленской области и один-два архива.

В книгу, объёмом в 557 страниц, вошла лишь часть работ, думаю, менее половины, опубликованных в Интернете. Хотелось бы полностью их опубликовать в бумажном варианте, но в настоящее время не знаю, как сложатся обстоятельства, способствующие их изданию.

О.Е. *На то и подвижничество у нас на Руси, что всюду преграды. Может быть, некий издатель или меценат увидит это интервью. Хотя надежда слабая. И тридцать лет назад я слышал эту же песню: времена тяжёлые, денег нет, книг не читают. Не знаю, настанут ли благоприятные времена для книг на Руси когда-нибудь... И все-таки ваша книга вышла. Можно сказать, что вы осуществили мечту отца. Философ Карл Ясперс толковал о зачарованности историей. Вашего отца и вас можно назвать такими очарованными странниками истории. Можно ли сказать, что вам удалось все-таки приблизиться к тайне отцовской тетради?*

С.К. Честно говоря, я изначально не рассчитывал на меценатов в таком вопросе, как издание своей книги. Крупные российские филантропы не опустятся до уровня простонародья. Они заняты крупными проектами общегосударственного значения. К другим – очереди претендентов. И чем простой российский пенсионер может их заинтересовать? Кроме того, я по жизни стараюсь не попадать кому-либо в зависимость. Потребуют ведь и это, и то, но если и не потребуют, чувство сродни чувству неблагодарности будет преследовать долгое время. Предпочитаю свободу выражения своих мыслей, как, например, поступил в изданных очерках или же в данной беседе, любой форме зависимости. Хотя понимаю, что обстоятельства иногда бывают сильнее нас.

Это одна часть проблемы. Другая её часть – это то, что в настоящее время в помощи меценатов как никто другой нуждаются профессиональные писатели. Думаю, многие филантропы это понимают, оказывая помощь в издательском деле именно им. Если в советский период времени данная категория творческих работников могла получать государственную поддержку, то сейчас ни одна из его структур, кроме налоговой инспекции, интереса к писателям не проявляет, от слова совсем. А ведь эту отрасль культуры, как впрочем, и культуру в целом следует расценивать как инвестицию в человеческий капитал. Здесь не только меценаты должны отмечаться, но и государство проявлять неформальный интерес, если оно озабочено состоянием духовного здоровья нации.

Возвращаясь к тайне отцовской тетради, скажу, что как таковая, она мне не раскрылась. Периодически перебирая в памяти эпизоды детства, снова и снова вглядываясь в картинки прошлого, связанные с данной тетрадью, каждый раз приходится отступать. Можно лишь приблизительно, методом исключения, построить версию возможных направлений его исследований. Что тут следует иметь в виду. Это то, что наука История, в

советское время была частью политической системы государства, формирующей мировоззрение советских граждан. Отсюда следующие рассуждения.

Первое. Научные работы не могли быть посвящены истории СССР. Базовый материал по данной тематике уже имелся в учебнике «Краткий курс истории ВКП(б)». Иосиф Сталин, принявший непосредственное участие в его написании, очень ревностно относился к современной историографии и не один здравомыслящий историк не посмел бы сказать своё слово в развитие указанной темы. Даже мне в институте в начале 1970-х годов пришлось изучать историю партии и государства по слегка видоизменённому курсу ВКП(б). Авторы вузовских учебников всё ещё не были свободными в своих взглядах на исторические процессы.

Второе. Работы также едва ли могли быть посвящены истории России, пусть и дореволюционной. В Советском Союзе уже имелась своя официальная школа учёных, освещавших дореволюционный период. Тот, кто не входил в круг избранных, но имел желание сказать своё слово, после первой же попытки мог превратиться в троцкиста или оппортуниста или же ещё в кого-либо. Поляна зачищалась очень жёстко, чужакам на ней места не было. Отцу, прошедшему войну и выжившему в ней, вряд ли хотелось в мирной жизни ходить по минному полю и стать самоубийцей. По своему характеру он был очень осмотрительным человеком.

Третье. История зарубежных государств. Здесь возможны варианты. Научные работники, занимавшиеся историей Средних веков и позднее, также несли определённые риски. Нужно было правильно трактовать те или иные события. Следовало подходить с классовых марксистско-ленинских позиций к процессам, происходившим в разные временные периоды, а в своих трудах правильно отражать борьбу угнетённых масс против своих угнетателей. Претендентов на подобные исследования, как представляется, было явно больше, чем предлагаемых к освещению тем. Конкуренты с именами, имевшие заслуги и опыт подковёрной борьбы за место под солнцем, не оставили бы шансов провинциалу, в том числе посредством наклеивания компрометирующих ярлыков, и это было бы самым безобидным актом в отношении наивного исследователя. В худшем случае вместо изучаемой им средневековой инквизиции историк познал бы на себе вполне реальную сталинскую инквизицию. Можно было, конечно, заниматься и сравнительно нейтральными вопросами, если не касаться политики.

Четвертое. Относительно безопасный, но и продуктивный путь – Доисторическая эпоха, а также История Древнего мира. Особых дивидендов исследователь по указанным направлениям от власти предрежащих в СССР, естественно, не получал. Тематика не «хлебная», но работы непочатый край. Не секрет, что иногда, наряду с добросовестными исследователями, под сенью власти грелись историки, умевшие быстро и выгодно продать свой товар, что называется востребованный конъюнктурой. История же Древнего мира таит массу загадок, страшно интересная, но требующая кропотливой и долгой работы, что не обещает встреч с опасными завистниками, одновременно делает её более доступной в свободе выбора темы. Это и письма, анализ результатов раскопок, захоронений, мифы и легенды, загадки древних народов и многое другое. И главное – в данном направлении сложно обвинить историка-исследователя в неправильной трактовке событий и скатыванию его на путь ревизионизма.

В СССР, начиная с 1937 года, издавался «Вестник древней истории» – ведущий академический рецензируемый журнал, посвящённый истории Древнего мира и смежным дисциплинам. Его главной целью являлось информирование о новых результатах и до-

стижениях, относящихся к области интересов журнала, и всемерное способствование развитию исследований в области классической и восточной древности. Кстати, издаётся он и в современной России. Сотрудничая с указанным изданием, можно было одновременно вносить свою лепту в развитие науки. Конечно, деревенский учитель не имел тех материальных возможностей, что сотрудники профильных учреждений, но, думаю, увлечённому идеей человеку многое под силу. Наконец, можно было заниматься исторической журналистикой по указанному направлению.

Мне сейчас в голову пришла интересная мысль. Не связано ли начало издания указанного журнала в год разгула репрессий с желанием его учредителей направить научную деятельность немалой части историков в более безопасное русло? Они вполне могли руководствоваться мотивами подобными тем, которые я сейчас изложил.

Резюмируя изложенное, а также исходя из общественно-политической ситуации в СССР послевоенного периода, с большой долей вероятности, в отцовской тетради я бы увидел его исследования именно по Истории Древнего мира.

О.Е. Признаюсь, что вообще не доверяю советским историкам. Простой пример. В вузовском учебнике они писали, что правление князя Олега, того самого, Вещего, – короткий и малозначительный эпизод в нашей истории. Это тридцать-то лет княжения? В тех условиях? С походами на Византию и покорением радимичей, северян? Но была установка выхолостить так называемую норманнскую теорию. А уж эпоха после Октябрьского переворота, как вы верно подметили, – сталинский краткий курс. И нам сейчас как воздух нужны честные, по возможности объективные труды по истории именно этой эпохи. Ведь, слава богу, есть у нас и Карамзин, и Татищев, Ключевский, Соловьёв. Правда, сейчас снова пытаются историческую науку поставить в услужение идеологии. Эту новую идеологию пока еще трудно определить, это какой-то гибрид буржуазного либерализма, имперскости, скорее, в сталинском изводе, – неспроста мы наблюдаем некие проявления неосталинизма. В Путинской конституции записано, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Что это, как не посягательство на право историка искать истину о любой войне?

С.К. Да, идеи краткого курса, похоже, что не умерли. Решимость защищать историческую правду, конечно, похвальна. Вот только как теперь быть, например, с Александром Пушкиным.

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

Поэт, достоверно зная о решающем вкладе русской армии в разгроме войск Наполеона, пренебрегая указанным обстоятельством и ни слова не сказав об этом, тем самым злобно и с особым цинизмом умалил заслуги защитников Отечества. Возвращаясь к тексту Основного закона нашей страны, следует сказать, что на данном пассаже творческая мысль создателей приведённой нормы Конституции, конечно же, не остановится. Обязательно будут введены меры защиты уголовного или административного характера. Иначе не стоило упоминать о возможных покушениях на правду. А что

такое историческая правда, а также, как можно принизить значение подвига народа, мы узнаем из Уголовного или Административного кодексов РФ.

После падения советского строя многие профессиональные и непрофессиональные историки устремились в архивы, двери которых оказались широко распахнутыми. Можно было ожидать, что вот теперь должны появиться интересные работы, а в школах и вузах – новые учебники с объективной оценкой нашего прошлого. И, правда, некоторое количество исследований в периодических изданиях увидело свет, но потом что-то пошло не так. Спустя время, и архивы стали чуть менее прозрачными, и исследователи чуть менее принципиальными, что естественно отразилось на качестве информационного продукта. Стали появляться перепевы советских трактовок исторических явлений, что может быть не всегда плохо. Стала заметнее чья-то рука, направляющая нас в нужное государству русло. Конституция РФ 1993 года, отвечающая основным демократическим стандартам, оказалась безнадежно устаревшей, и её дружно попрали в угоду другой, которая ничуть не лучше. Идею построения гражданского общества наши правители, подвесили в социальном пространстве так же, как аксакалы морковку, вот перед кем, точно не помню. Хотя это забота вовсе не правителей, а самого общества. Впрочем, легче всего списать данные обстоятельства на нехороших бояр, но правильно ли это? Может быть, дело не только в них, но и в нас? Не в каждом конкретном человеке, а в обществе в целом. Возможно, испугались открывшейся нам правде, как в детстве, помните, увидел что-то неприятное и закрыл глаза, больше страшной картинке нет, и ты уже уверен, что неприятность позади? Гораздо легче жить, когда такого прошлого, какое было у нас как бы и не было. А раз так, то и наша власть, угадав подобные желания, принимает кое-какие только ей понятные меры. Ведь если народ начнёт трезво смотреть в прошлое, то он с такой же критичностью может посмотреть и в настоящее. И тогда кого-то может вежливо попросить показать, какие политические блюда готовятся на общенародной кухне... Но что-то подобного массового любопытства и требований регулярной отчётности власти перед народом мне наблюдать не приходилось. Не знаю, почему. Одно вполне понятно, имеются силы, которые хотели бы оградить народ, этих неразумных детей, от лишних волнений за наше и их общее прошлое.

О.Е. *Лучше не скажешь. Остается только поблагодарить вас, Святослав Савельевич, за это интервью и ваш труд.*